

МОДЕЛИРОВАНИЕ НЕТРИВИАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ ПОНИМАНИЯ СООБЩЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ИРОНИИ)

Борисова Е. Г. (efcomconf@list.ru)

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

Пирогова Ю. К. (adv-pirogova@yandex.ru)

НИУ Высшая школа экономики, Москва, Россия

Рассматривается модель понимания сообщения, применяемая для описания случаев, отклоняющихся от тривиальных, буквальных, («что сказано, то и имелось в виду»), и предполагающих дополнительные действия слушающего. В качестве примера выбрана ирония как наиболее сложный случай кодировки намерений говорящего. Отмечаются лингвистические средства маркировки таких случаев. Описание позволяет вскрыть различные фрагменты смысла высказывания и прагматических характеристик, которые должны приниматься во внимание при моделировании понимания как части динамической модели языка.

Ключевые слова: прагматика, ментальная активность, понимание, ирония

MODELING PECULIAR CONDITIONS OF UNDERSTANDING UTTERANCES (THE CASE OF IRONY)

Borisova E. G. (efcomconf@list.ru),

Moscow Teachers' Training University, Moscow, Russia

Pirogova Yu. K. (adv-pirogova@yandex.ru),

National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia

The article deals with modeling the understanding of natural language texts in special cases that differ from the trivial 'normal' condition 'what is said is what is meant' (literal understanding). This includes hints, metaphors etc. The article is focused on irony, which seems to be a paradox: 'what is meant' is different from 'what is said'. By thorough analysis of examples of irony both in the literature and in common usage (including texts of media and the Internet) we classify the cases of irony. The sense components of utterances which are to be understood in the opposite way have been identified. They are not only parts of the dictum but of the modal frame as well. The pragmatic analysis showed the intentions of the Speaker using irony, including the cases when the object of mockery is the Speaker himself, or the Hearer. Correlation of irony vs. mockery and irony vs. quotations is investigated. The results should be used by designing the model of natural text understanding.

Key-words: pragmatics, mental activity, understanding, sarcasm

1. Моделирование понимания вне тривиальных («буквальных») текстов

Моделирование понимания в рамках интерактивного подхода (учитывающего действия участников общения) не ограничивается распознаванием формы, дешифровкой (определением семантики частных значений лексеммы, так называемых лексико-семантических вариантов), «сложением», т. е. синтезом возможного смысла сообщения. Действия слушающего, как теперь очевидно, включают в себя и возможные выводы (импликатуры) из сказанного, и перебор возможных вариантов понимания с учетом «угадывания» намерений говорящего («если бы говорящий имел в виду X, он бы скорее сказал X, а не Y, как тут») и ряд других действий¹. Такая более громоздкая модель может применяться не только для моделирования поведения участников общения в «нормальных», тривиальных условиях, когда говорящий стремится к наиболее полному и однозначному пониманию («что имел в виду, то и сказал», т. е. понимать надо буквально). Можно обратиться и к более сложным случаям понимания сообщений, когда буквальное понимание дает абсурдный результат, а постулаты Грайса не выполняются (заметим, что последнее не всегда имеет место, однако то, что такое общение тоже возможно, уже неоднократно замечалось), как, к примеру, при буквальном понимании фразы:

- (1) *Он для меня готов горы свернуть. — Он что, взрывник?*
(пример взят из наблюдений авторов)

¹ Борисова Е. Г. Интерактивный подход в лингвистике: пределы применимости // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог — 2006» / Под ред. Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея — М.: Изд-во РГГУ, 2006 — с. 84–88.

Наиболее простой случай отклонения от буквального понимания — это, видимо, намек². Это высказывание, которое содержит в себе некоторые инструкции по формированию импликатур, желательных для говорящего, например,

(2) *Что-то стало холодать.*

Отсутствие иллокутивной ценности высказывания («Зачем об этом говорить?») должно заставить адресата сделать возможные выводы, например, «Надо закрыть окно», «Ты, милый, должен принести мне плед» и т. п. Если говорящий хочет быть понят точнее, он выдаст больше информации, например, добавит:

(3) *А окошко все еще открыто и т. п.*

Как мы уже отмечали, импликатуры обязательно сопровождают понимание сообщения³. В случае намека говорящий так выстраивает свои высказывания, что они не имеют ценности сами по себе и этим стимулируется действие слушающего. Заметим, что для понимания намека необходим полный набор информации, сопровождающий каждый речевой акт: понимание языковых единиц, знание контекста и наличие общих сведений у участников общения, правила выводов, для намеков с перлокутивными целями — представления об иерархии, речевом этикете (какие-то просьбы неприлично высказывать в лоб) и т. п. Как отмечалось⁴, информативность намека является следствием постулатов Грайса, а именно, принципа релевантности⁵, хотя нарушаются многие другие постулаты. В той или иной степени, это можно отнести и к другим случаям нетривиальной подачи информации.

² Баранов А. Н. Намек как способ косвенной передачи смысла // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог — 2006» / Под ред. Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея — М.: Изд-во РГГУ, 2006 — с. 46–51.

Кобозева И. М., Лауфер Н. И. Об одном способе косвенного информирования // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1988. Т. 47, № 5. С. 462–470

Шатуновский И. Б. 6 способов косвенного выражения смысла // Труды международной конференции «Диалог — 2004». М., 2004.

³ Borisova E. Special Entities Used for Governing the Processes of Understanding/Understanding by communication, eds. E. Borisova, O. Souleimanova. Cambridge Scholars Publishers, 2013 — pp. 95–103.

⁴ Кобозева И. М., Лауфер Н. И. Об одном способе косвенного информирования // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1988. Т. 47, № 5. С. 462–470

⁵ Wilson Deirdre. On Verbal Irony / Deirdre Wilson, Dan Sperber // Irony in Language and Thought: A Cognitive Science Reader. — New York Lawrence Erlbaum Associates. 2007, — pp. 35–55

2. Ирония как высказывание с намеренно «противоположным» пониманием

Остановимся на наиболее парадоксальном случае использования языковых средств — на иронии. По Квинтилиану, ирония — это высказывание, которое надо понимать в противоположном смысле. Чистым случаем иронии можно считать высказывание:

- (4) *Ну, такой герой добьется сокрушительной победы!* (пример взят из наблюдений авторов)

Однако в русском языке слово ирония, ироничный используется гораздо шире. Анализ бытовых употреблений слова ирония показывает, что в русском языковом сознании к иронии относится и насмешка, не связанная с «обратным» пониманием:

- (5) *Когда я прохожу мимо фотографии Анисимова на филфаке, ирония прищуренных глаз напоминает мой провальный ответ и «тряк», который должен был незамедлительно перекочевать в зачетку, но почему-то превратился в «четыре» в последний момент.*
[Нина Щербак. Роман с филфаком // «Звезда», 2010] [пример из НКРЯ]

Вряд ли взгляд способен передавать «обратное» понимание», отличающее иронию от насмешки. Насмешка же возможна и при буквальном употреблении слов:

- (6) *Что-то ты у нас такой тихий всегда, когда доходит до дела! ?*
(пример взят из наблюдений авторов)

Здесь действительно текст понимается буквально, что не мешает передавать насмешливое отношение к человеку. В русском языке прилагательное ироничный (*ироничный взгляд, тон*) может означать насмешливый, поскольку далеко не всегда сопровождает «обратное» понимание сказанного. Подобное расширенное употребление слова ирония и однокоренных встречается и в некоторых научных работах, что, видимо, указывает на то, что это слово не устоялось как термин. Аналогичное замечание можно сделать и относительно других языков, в частности, английского.

В большинстве случаев ирония, действительно, содержит и насмешку (которую можно интерпретировать как «я утверждаю Р и считаю, что Р может вызвать смех»). Однако, некоторые примеры — в основном, сопряженные с гневом, огорчением, злостью — вряд ли могут трактоваться таким образом:

- (7) *Мы ничего не делали, ничем не рисковали, не смотрели из окопов на приближающиеся танки, зажав в руке бутылку с зажигательной смесью! ?* (пример взят из наблюдений авторов)

Говорящий в отрицательных предложениях явно перечисляет то, что на самом деле делал, в чем собеседник, видимо, усомнился, и это вызвало данное — ироническое, но отнюдь не насмешливое — высказывание. Заметим, что в случае отрицательного отношения к предмету сообщения обычно говорят не об иронии, а о сарказме. Не отрицая полезности этого термина для литературоведческих и других исследований, мы не будем его употреблять, считая, что все случаи сарказма подходят под определение иронии.

Во многих случаях ирония используется как средство передачи отрицательного отношения — к предмету обсуждения или к участникам общения (как данного акта общения, так и передаваемого). Однако степень осуждения может варьировать от мягкой или даже исчезающей, когда, к примеру, взрослые иронизируют над детьми, до очень резкой, как в примере (7) по отношению к адресату.

Таким образом, при принятом нами (с опорой на классическое) определении иронии как «использования слова, фрагмента или высказывания целиком для передачи прямо противоположного смысла» нам приходится оставить за рамками рассмотрения немало примеров, которые в русском языковом сознании относятся к проявлениям иронии, определив их как насмешку. Однако и оставшиеся случаи демонстрируют большое разнообразие. Поэтому моделирование понимания при использовании иронии должно учитывать большое разнообразие эффектов в зависимости от адресации иронии, месте «переворачиваемого» смысла в содержании сообщения, а также специальных маркеров — языковых единиц, помогающих адресату распознать иронию.

3. Семантика смысла, подвергаемого иронической трансформации

Наиболее очевидным случаем иронии является использование в противоположном смысле основного содержания (диктума) сообщения:

- (8) *Он такой маленький, в толпе потеряется* (пример взят из наблюдений авторов)

— если известно, что человек высок ростом;

- (9) *Погодка — мечта* (пример взят из наблюдений авторов)

(в ситуации, когда погода плохая).

Однако «обратное» понимание возможно и относительно других фрагментов смысла сообщения. В частности, иронически может пониматься часть сообщения, содержащая в себе оценку:

- (10) *И он притащил свой «восхитительный» аппарат.* (пример взят из наблюдений авторов)

- (11) *Отколе, умная, бредешь ты голова? -
Лисица, встретившись с ослом, его спросила.
(И. А. Крылов, Лисица и Осел)*

Эту цитату часто приводят как пример иронии. Здесь действительно значение слово «умный» должно пониматься в противоположном смысле. Однако это словосочетание не меняет понимание высказывания в целом — Лисица действительно спрашивает Осла, а «обратное» понимание относится только к дополнительной характеристике.

Ироническая оценка может выражаться и еще менее эксплицитно:

- (12) *что же сделал я за пакость,
Я, убийца и злодей?* (Б. Пастернак. Нобелевская премия).

Поэт описывает гонения после присуждения Нобелевской премии. Самоосуждающие характеристики явно выглядят цитированием гонителей. Вообще иронические высказывания часто понимаются как отсылка к чужим слова, цитирование или хотя бы цитация (использование неавторских средств номинации⁶). Однако в целом это качество нельзя считать обязательным — в большом количестве примеров: (8), (9), (11) и др. говорящий сам дает иронические номинации, и источник цитирования не просматривается.

Иронической может быть модальность:

- (13) *Вот бы мне туда!* (пример взят из наблюдений авторов)

В ситуации, когда описывается неприятное место (в данном контексте описывались некоторые сложности службы в армии), модальность «я хочу туда» распознается как ироническая, понимаемая в обратном смысле.

Еще более тонкий (но нередкий!) вариант иронии: «перевернутым», неправильным оказывается часть смысла, отражающая степень проявления какого-либо признака

- (14) *В дворницкой стоял запах гниющего навоза, распространяемый новыми
валенками Тихона. Старые валенки стояли в углу и воздуха тоже
не озонировали.* (Ильф и Петров «Двенадцать стульев»)

⁶ Зализняк А. А. Семантика кавычек // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог — 2000» / Под ред. Л. Л. Иомдина, Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея — М.: Изд-во РГГУ, 2007 — с. 188–193. Шилихина К. М. Ирония в политическом диалоге // Политическая лингвистика. № 4 (38) 2011. Стр. 177–182.

Wilson Deirdre. On Verbal Irony / Deirdre Wilson, Dan Sperber // Irony in Language and Thought: A Cognitive Science Reader. — New York Lawrence Erlbaum Associates. 2007, — pp. 35–55

Здесь сообщение, что валенки не способствовали улучшению состава воздуха, должно пониматься вполне в прямом смысле. Однако использованный оборот явно в недостаточной степени отражает, насколько на самом деле воздух был испорчен запахом прелой обуви. Поэтому иронически воспринимается часть смысла «не улучшали состояния воздуха, создавая некоторую степень неудобства», в противоположном смысле понимается «некоторая степень». — степень была не неопределенной, а значительной.

Наконец, часть случаев, обычно называемых иронией, заключаются в «обратном» понимании информации, передаваемой формой, стилем, штампом⁷. Иронией будет использование газетного штампа в примере:

(15) *Тогда слуги народа будут думать не о том, как содрать взятку с собственника, а как заставить его исправно платить все положенные налоги.* [Николай Анисин. Кабала хапуг (к проблемам нынешних отношений власти и бизнеса в России) (2003) // «Завтра», 2003.03.26] [пример из НКРЯ]

Здесь штамп *слуги народа*, характерный для «высокого», пафосного стиля, употреблен в другой ситуации, которую можно рассматривать как противоположную. Т.е. именно компонент стилиевой окраски должен пониматься в противоположном смысле. Само же сочетание *слуга народа* (описательное выражение для «депутат» и «чиновник») не меняет свой смысл — имеются в виду те же люди. (Впрочем, ироническое значение этого штампа начинает вытеснять исходное, чего десять лет назад, когда писалось приведенное высказывание, видимо, еще не было).

Подобные случаи иронического употребления штампов широко распространены и стали частью молодежной субкультуры в конце 80-х годов под названием *стёб* (носители интерпретируют это сленговое слово как «издевательство»). Он по-прежнему распространен в языке некоторых СМИ.

4. Прагматические аспекты употребления иронии

Поскольку ирония была «открыта» как один из тропов, то есть выразительных приемов, то по большей части ее изучали в рамках анализа художественного текста. Впрочем, с самого начала была очевидна и другая сфера ее применения — это риторическая фигура, активно использовавшаяся в публичных выступлениях. В этом смысле роль иронии в СМИ, можно сказать, наследуется из риторики. Но, как отмечают наиболее проницательные исследователи⁸, иро-

⁷ Шилихина К. М. Ирония как эффект языковой игры // Язык, коммуникация и социальная среда. Выпуск 8. Воронеж: ВГУ, 2010. С. 37–45.

⁸ Шилихина К. М. Ирония в политическом диалоге // Политическая лингвистика. № 4 (38) 2011. Стр. 177–182

ния является важной и весьма распространенной частью повседневного общения: устной беседы, письма и т. п. При этом иронический способ выражения позволяет передать ряд дополнительных смыслов, актуальных в общении.

Одним из важнейших можно считать, пожалуй, «присоединение»: говорящий, употребляя нетривиальный способ выражения, показывает адресату, что рассчитывает на его понимание. Это можно рассматривать как знак приобщения к «своим», «посвященным», что является и, в некотором роде» лестью говорящего адресату. Это весьма сильное средство воздействия, поскольку адресат, которого уже объявили таким образом «приобщенным», уже не захочет отвергать содержания информации. Наверное, именно этим можно объяснить широкое распространение в печати так называемого стёба: иронической подачи позиций противника.

Несомненно, ирония достаточно часто используется для передачи отрицательной оценки содержания сообщения, см. пример (7). Возможно, это связано с тем, что ирония часто представляет собой цитирование тех, кого подвергают осмеянию⁹. Говорящий не просто заявляет эксплицитно, что некоторое выказывание неверно, но предлагает лично убедиться адресату очевидности неправоты.

Отрицательное отношение такого же источника имеет место даже в еще большей степени, когда место насмешки заменяет гнев, как в примере (7).

Вообще наличие юмористической, игровой компоненты — достаточно частый спутник иронического употребления¹⁰, но необязательный. Вряд ли можно говорить об игре и юморе в примере (12) Б. Пастернака.

Намерения говорящего во многом определяются тем, насколько роль «сообщника» и «объекта осуждения» распределены среди участников общения. Классическим случаем является осуждение чего-либо внешнего по отношению к участникам общения (говорящему и адресату). Однако объектом осуждения может стать и сам говорящий (или нечто, с ним связанное) — тогда мы говорим о самоиронии:

(16) *Ида. Я, как всегда, создаю общую теорию всего. В результате ни одной статьи не могу подать вовремя.* (пример взят из наблюдений авторов)

Заметим, что этот пример отличается от пастернаковского (12), самоиронией не являющегося, тем, что здесь говорящий осуждает себя, тогда как Б. Пастернак осуждает авторов цитируемых характеристик, и иронию к себе не прилагает.

⁹ Wilson Deirdre. On Verbal Irony / Deirdre Wilson, Dan Sperber // Irony in Language and Thought: A Cognitive Science Reader. — New York: Lawrence Erlbaum Associates, 2007, — pp. 35–55.
Зализняк А. А. Семантика кавычек // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог — 2000» / Под ред. Л. Л. Июдина, Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея — М.: Изд-во РГГУ, 2007 — с. 188–193.

¹⁰ Санников В. З. Русская языковая шутка: От Пушкина до наших дней / В. З. Санников. — М.: Аграф, 2003. — 556 с.
Crystal, D. Language Play / D. Crystal. — Chicago: The University of Chicago Press, 2001. — 248 p.

Объектом иронии бывает адресат. Этот случай может распадаться на несколько частных. Собеседник может быть открыто сделан объектом иронии:

(17) *Ты ж у нас вундеркинд, что тебе какие-то лабораторные (работы).*
(пример взят из наблюдений авторов)

Однако встречается и скрытое — для собеседника — иронизирование над ним, возможно, для него непонятное, адресованное другим — читателям описываемого случая, свидетелям происшествия.. Именно так можно расценивать эпизод из лермонтовского «Героя нашего времени»

(18) *Ты, говорят, эти дни ужасно волочился за моей княжной? — сказал он довольно небрежно и не глядя на меня.*

— Где нам, дуракам, чай пить! — отвечал я ему, повторяя любимую поговорку одного из самых ловких повес прошлого времени, воспетого некогда Пушкиным.

Ирония не была воспринята адресатом, но читателями романа — вполне.

Мы здесь не можем привести полный перечень возможных объектов иронии. Отметим только, что в зависимости от роли объекта в речевом акте наблюдаются весьма разнообразные намерения говорящего, решившего использовать прием иронии. Таким образом, ирония позволяет вскрыть (или подтвердить) различные типы прагматики речевого поведения — более сложные, чем просто понимание сообщения адресатом.

5. Каким образом слушающий понимает говорящего?

Если исходить из того, что говорящий надеется на понимание (а это так, по крайней мере, для части адресатов сообщения, за исключением редких случаев, которые будут рассмотрены позднее), следует выделить условия, обеспечивающие все те выводы, которые необходимо сделать для понимания сообщения. Определение этих условий исключительно важно для автоматического анализа текста, к примеру, при автоматическом реферировании СМИ. В этом направлении ведутся активные работы¹¹, результаты которых мы учитываем в предлагаемом перечне.

Одним из важнейших факторов является контекст — как широкий (общие знания об устройстве мира, о взаимоотношениях актантов описываемой ситуации, о семантико-прагматических характеристиках употребляемых знаков), так и узкий — данный текст (монологического или диалогического характера)

¹¹ Dmitry Davidov, Oren Tsur, and Ari Rappoport. Semi-supervised recognition of sarcastic sentences in Twitter and Amazon. In Proceeding of Computational Natural Language Learning (CoNLL 2010), Uppsala, Sweden, July. 2010.

и характеристики акта общения (например, представления о наличии здравого смысле и чувства юмора у говорящего). Осознание того, что буквальное понимание невозможно, нередко может быть спусковым крючком для включения механизма выводов при различных употреблении тропов. (Сюда же следует отнести и представление о жанрах, например, при чтении памфлета логично искать иронию).

Рассмотрим пример из обсуждения статьи на ресурсе *mirtesen*. *Vybor* 2012 (пример взят 27.01.13). В материале для обсуждения приводилось мнение Дж. Сороса о проблемах в российской экономике (орфография и пунктуация сохраняются):.

(19) *Илья* 10928 *да кто такой сорос? не знаем мы никакого сороса! сорос в америке и ниче про нас не знает. мы верим тока нашему премьеру медведеву. он сказал, все ништяк!!! а он явно в теме: у него айфон есть и он умеет твиттером пользоваться*

Валерий Ковальчук 12950 *Илья, кто то минус ставил вам, не поняли что это ирония.*

Начало формы

Конец формы

[25 янв, 22:06 ответить](#)

Илья 10928 *валере. ну наконец-то кто-то догадался. я уж думал совсем плохо с юмором.*

Обсуждение на этом ресурсе (в отличие от форумов и групп, объединяющих более или менее схожих по воззрениям пользователей) привлекает людей (а возможно, и боты) очень разных взглядов и позиций. Для понимания сообщения Ильи как иронического необходимы такие фрагменты картины мира, как представление об известности Дж.Сороса, о том, что умение пользоваться современными средствами связи вовсе не является доказательством высокой компетентности. Наконец, и то, что премьер может быть объектом насмешек. Видимо, далеко не все участники обсуждения были убеждены, что у автора записи есть эти фрагменты в картине мира, почему и ставили ему минусы в знак неодобрения высказывания, которое они поняли буквально.

Заметим, что при выявлении иронических употреблений в политических коммуникациях, что важно для задач автоматического реферирования СМИ, роль контекста в широком смысле играет тип политического дискурса: слова, характерные для, к примеру, коммунистического дискурса — манифестативные (*manifestive*¹²) трудящиеся, на благо Родины и т. п., в либеральном дискурсе будут употребляться или в составе цитаты, или иронически, ср. заголовок

¹² *Borisova, E.* "Opposition Discourse in Russia: Political Pamphlets 1989–1991." In *Political Discourse in Transition in Europe 1989–1991*, edited by P. Chilton, M. Iyin and J. Mey, 111–130. Amsterdam/ Philadelphia: Jon Benjamins, 1998.

М. Ганапольского «На благо Родины и ее бабла». (*«Эхо Москвы»*, 12.02.2013, www.echo.msk.ru/blog/ganapolsky/1010574-echo/)

Второй важный фактор — специальные маркеры «иронического понимания». Они могут носить фонетический (интонационный, фонический), графический, лексический, стилистико-прагматический характер. Причем встречаются и знаки, которые специально предназначены для выражения иронии — утрированная интонация, слова и сочетания «Щазз!», «Бегу и падаю», «Дадут — догонят и еще добавят» и в этих случаях феномен иронии несколько смывается. Чаще всего роль маркеров иронии играют слова и выражения, которые представляют собой преувеличение каких-то характеристик слова: эмоциональной окраски, принадлежности к определенному языку вплоть до штампов и шаблонов. Именно такими маркерами являются наименования «отец народов», «лучший друг физкультурников» по отношению в И. В. Сталину. Фактически утрируются те характеристики языковых единиц, которые позволяют увидеть несоответствие их употребления замыслу говорящего, например, неуместный пафос, ср. «нажитое непосильным трудом».

Важно отметить, что понимание наступает не всегда. Даже если не считать случаев коммуникативной неудачи, когда задуманный смысл, переданный иронически, был понят буквально, есть немало вариантов того, что автор сообщения и рассчитывал на то, что часть адресатов поймет текст в буквальном смысле, не разглядит иронии. Это может иметь место, если автор хочет обезопасить себя с точки зрения правовых норм: он может утверждать, что даже не подозревал о скрытой иронии в собственных словах:

(20) *В прошлом Ольга Юрьевна прошла суровую школу дикого капитализма в ОНЭКСИМе, «Норникеле», РСПП. Теперь внедряет государственные концепции, ориентированные на благо простого человека... Ну не представляет же она в конце концов интересы олигархов в правительстве?* (ЛГ. № 6, 2013, с 10)

Если бы последнее было заявлено как прямое утверждение, автору грозило бы преследование за клевету или нанесение ущерба деловой репутации Ольги Юрьевны.

А «ирония не может быть предметом судебного разбирательства, так как связана с восприятием; одно и то же ироническое высказывание разные люди воспринимают по-разному: одни как положительную, добрую иронию, другие — как отрицательную, злую, а третьи вообще не воспринимают ироническую окраску¹³».

Если в медиа ирония распространена исключительно широко, то в казало бы близком дискурсе — рекламном¹⁴ — иронию обнаружить непросто.

¹³ *Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов / Под ред. проф. М. В. Горбаневского. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Юридический Мир 2006, — 112 с.*

¹⁴ *Pirogova Yulia. Message perception and comprehension in Marketing communication discourse/ Understanding by communication, eds. E. Borisova, O. Souleimanova. Cambridge Scholars Publishers, 2013 — pp. 176–210.*

Большинство случаев, интерпретируемых как ирония, должны быть отнесены к насмешке, т. к. в них нет «переворота» смысла. Те случаи, что все-таки предполагают подобное мыслительное действие, чаще всего содержат подсказку в виде картинки, дальнейшего развертывания сюжета и т. п. Так, несомненно, иронической можно считать рекламу зубных палочек для собак. Этот ролик после информации о вреде зубного налета демонстрирует кадры, «рекламирующие» зубные протезы (причем собаки представлены улыбающимися, с человеческими вставными челюстями, что явно относит кадр к соответствующим рекламным сообщениям услуг стоматологов). Данная «реклама» на самом деле рекламой не является, что легко понимают собаководы. В «обратном» смысле здесь понимается важнейшая часть рекламы — предложение товара. Однако это только часть рекламного сообщения. Данный кадр сменяется следующим, где собака, грызя рекламируемый продукт — зубную палочку, ворчит: «Что за ерунда! На самом деле нужна зубная палочка». Т. е. авторы сообщения не оставляют зрителю необходимости понять иронию в предыдущих кадрах, а тут же все объясняют.

Различия в частоте использования иронии в текстах разных типов заставляет предположить, что при восприятии сообщений в различных типах дискурсах предполагается различная активность адресата. И в рекламном дискурсе она одна из самых низких.

Выводы

Таким образом, ирония оказывается не тривиальным, но достаточно широко распространенным способом передачи информации слушающему. При этом от слушающего требуются некоторые дополнительные усилия, иногда значительные, что кажется противоречащим максимам Грайса о дружелюбии, количестве. Однако при использовании иронии говорящий оказывается в состоянии передать дополнительные фрагменты смысла:

- А) говорящий вызывает в адресате чувство приобщенности к сокровенному знанию (поскольку понимает сказанное), чувство принадлежности к одному сообществу, что способствует некритичному восприятию сказанного,
- Б) передаваемая информация восстанавливается адресатом, что способствует ее восприятию как собственный вывод и в меньшей степени отвергается адресатом,
- В) говорящий обеспечивает правильное понимание путем дополнительных маркеров (ироническая интонация, «кавычки» и т. п.) и учитывает представления о мире и возможности адресата провести необходимые процедуры, поэтому в определенных типах коммуникации, где эти условия соблюсти трудно, ирония употребляется редко,
- Г) действия по восстановлению иронии обычно бывают эмоционально насыщенными, причем чаще всего переживания определяются юмористической составляющей и игровой — радостью адресата при восстановлении замысла говорящего.

Все перечисленное делает иронию сильным инструментом воздействия говорящего на адресата.

Моделирование действий адресата по пониманию иронии заставляют учитывать такие компоненты смысла сообщения как диктум, модальная рамка, оценка, эмоции, жанровая и стилистическая принадлежность. А в действия приходится включать не только понимание (прямое) сообщения, но и сопоставление с картиной мира, выводы адресата о намерениях говорящего (причем разнородные и неодновременные), а также восприятие оценки и эмоций.

Литература

1. Баранов А. Н. Намек как способ косвенной передачи смысла // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог — 2006» / Под ред. Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея — М.: Изд-во РГГУ, 2006 — с. 46–51.
2. Борисова Е. Г. Интерактивный подход в лингвистике: пределы применимости // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог — 2006» / Под ред. Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея — М.: Изд-во РГГУ, 2006 — с. 84–88.
3. Зализняк А. А. Семантика кавычек // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог — 2007» / Под ред. Л. Л. Иомдина, Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея — М.: Изд-во РГГУ, 2007 — с. 188–193.
4. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов / Под ред. проф. М. В. Горбаневского. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Юридический Мир, 2006. — 112 с.
5. Кобозева И. М., Лауфер Н. И. Об одном способе косвенного информирования // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1988. Т. 47, № 5. С. 462–470.
6. Походня, С. И. Языковые виды и средства реализации иронии / С. И. Походня — Киев: Наук. думка, 1989. — 126 с.
7. Санников В. З. Русская языковая шутка: От Пушкина до наших дней / В. З. Санников. — М.: Аграф, 2003. — 556 с.
8. Шатуновский И. Б. 6 способов косвенного выражения смысла // Труды международной конференции «Диалог — 2004». М., 2004.
9. Шилихина К. М. Ирония в политическом диалоге // Политическая лингвистика. № 4 (38) 2011. С. 177–182.
10. Шилихина К. М. Ирония как эффект языковой игры // Язык, коммуникация и социальная среда. Выпуск 8. Воронеж: ВГУ, 2010. С. 37–45.

References

1. *Baranov A. N.* (2006) Hint as an Instrument of Indirect Communication [Namëk kak sposob kosvennoj peredachi smysla] in Computational Linguistics and Intellectual Technologies in International Conference “Dialogue 2006” Proceedings. (Bekasovo 31 May — 4 June 2006) — IPPI RAN, 2006 — pp. 46–51.
2. *Borisova, E.* (1998) “Opposition Discourse in Russia: Political Pamphlets 1989–1991.” In Political Discourse in Transition in Europe 1989–1991, edited by P. Chilton, M. Ilyin and J. Mey. Amsterdam/ Philadelphia: Jon Benjamins. — pp. 111–130
3. *Borisova, E. G.* (2006) The interactive Approach in Linguistics: Limits of Application [Interaktivnyj podhod v lingvistike: predely primenimosti] in Computational Linguistics and Intellectual Technologies in International Conference “Dialogue 2006” Proceedings . (Bekasovo 31 May — 4 June 2006) — IPPI RAN, 2006 — pp. 84–88.
4. *Borisova E.* (2013) Special Entities Used for Governing the Processes of Understanding in Understanding by communication, eds. E. Borisova, O/Souleimanova. Cambridge Scholars Publishers, — pp. 95–103.
5. *Crystal, D.* (2001) Language Play / D. Crystal. in Chicago: The University of Chicago Press. — 248 p.
6. *Davidov D.* (2010) / Dmitry Davidov, Oren Tsur, and Ari Rappoport Semi-supervised recognition of sarcastic sentences in Twitter and Amazon. In Proceeding of Computational Natural Language Learning (CoNLL 2010), Uppsala, Sweden, July, 2010.
7. *Gorbanevsky M. V.* (2006) (ed). How the Linguistic Examination of a Text is to be Held? For lawyers, judges, experts [Kak provesti lingvisticheskuyu ekspertizu spornogo teksta? Dlja sudej, advokatov, prokurorov, sledovatelej, doznavatelej i ekspertov] — Juridicheskij mir. — 112 pp.
8. *Hutcheon, L.* (1995) Irony’s Edge. The Theory and Politics of Irony / L. Hutcheon. — New York: Routledge, 1995. — 248 p.
9. *Kobozeva I. M., Laufer N. I.* (1986) One Way of Indirect Informing [Ob odnom sposobu kosvennogo informirovanija] in Izvestija AN SSSR v. 47 (5) — pp. 462–470
10. *Pirogova Yulia* (2013). Message perception and comprehension in Marketing communication discourse, Understanding by communication, eds. E. Borisova, O. Souleimanova. Cambridge Scholars Publishers, — pp. 176–210.
11. *Pohodnja S. I.* (1989) Language Means of Implementation of Irony [Jazykovye sredstva realizatsii ironii] Kiev, Naukova dumka.
12. *Sannikov V. Z.* (2003) Russian Language Joke. From Pushkin till Nowadays [Russkaja jazykovaja shutka. Ot Pushkina do nashih dnejj] Moscow, Agraf.
13. *Shatunovskij I. B.* (2004) 6 Ways of the Indirect Expression of Sense [6 sposobov kosvennogo vyrazhenija smysla], in Computational Linguistics and Intellectual Technologies in International Conference “Dialogue 2004” Proceedings , 2004
14. *Shilikhina K. M.* (2010) Irony as an Effect of the Language Play [Ironija kak effect jazykovojj igry], Language, Communication and Social Environment. Issue 8. Voprosy, pp. 37–45.

15. *Shilikhina K. M.* (2011) Irony in Political Dialogue [Ironija v politicheskom dialoge], *Politicheskaja Lingvistika* 4 (38). — pp. 177–182
16. *Wilson Deirdre* (2007) On Verbal Irony, Deirdre Wilson, Dan Sperber, Irony in Language and Thought: A Cognitive Science Reader. — New York Lawrence Erlbaum Associates. 2007, — pp. 35–55
17. *Zalizniak Anna. A.* (2007) The Semantics of Inverted Commas [Semantika kavychek]. in Computational Linguistics and Intellectual Technologies in International Conference “Dialogue 2007” Proceedings. (Bekasovo 31 May — 4 June 2007) — IPPI RAN, 2006, pp. 188–193